

СВЕРХСЛОВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 2 (44)

УДК 81'42+ 811'371.48

DOI:10.24144/2663-6840/2020.2(44).389–396

Шулежкова С., Міхін А. Сверхсловные неологизмы военной тематики в современном русском языке; кількість бібліографічних джерел – 21; мова російська.

«...корпуса фразеологической неологии, который мог бы приказать «Остановись, мгновенье!», реально не существует. “Идеальных” неологизмов нет уже потому, что их оценка как неологизмов обусловлена многими факторами и субъективной оценкой носителей языка. Хронологические рамки, в которые пытается инкрустировать тот или иной оборот любой лексикограф, при более глубинном исследовании оказываются более широкими, чем представляется» (В.М. Мокшенко).

Аннотация. 1980-е гг. XX в. – начало XXI в. в условиях, когда перестали действовать важные международные договоры, сдерживавшие после второй мировой войны гонку средств массового уничтожения людей, отмечены беспрецедентной гонкой вооружений. Этот процесс нашёл отражение во фразеологических системах многих языков, в том числе в русском языке, где произошло кардинальное обновление военного лексикона. Значительное место в нём заняли сверхсловные неологизмы. Авторы статьи поставили перед собой цель – определить место сверхсловных неологизмов военной тематики в современном русском языке, в связи с чем необходимо было выявить их; определить причины и пути их освоения; установить их семантику, закономерности вхождения этих единиц в языковую систему и сферы их использования. В ходе исследования было установлено, что в современных средствах массовой информации, в публицистике, художественных текстах, в речах политиков и дипломатов используется более двухсот сверхсловных неологизмов военной тематики, большая часть которых не нашла должного отражения во фразеологических, энциклопедических, неологических справочниках и в словарях иностранных слов и выражений современного русского языка. Их источниками могут быть как иностранные языки (по преимуществу англицизмы), так и внутренние национальные резервы. К наиболее активно обновляющимся за счёт сверхсловных неологизмов тематическим группам относятся наименования 1) новых видов оружия, 2) новых войсковых подразделений, 3) типичных для описываемого времени локальных и масштабных международных конфликтов, 4) способов ведения враждебных действий. Анализ причин появления этих единиц дал следующие результаты. Появление большинства предметных сверхсловных неологизмов военной тематики связано с экстралингвистическими факторами, и многие из них являются кальками и полукальками английских наименований. Процессуальные, адвербиальные, предикативные и прочие сверхсловные неологизмы, как правило, проходят более сложный путь освоения и структурируются за счёт национальных языковых ресурсов.

Ключевые слова: сверхсловный неологизм, военная тематика, источники, англицизмы, внутренние языковые ресурсы.

Постановка проблемы. Фиксация и лингвокультурологическое описание сверхсловных неологизмов постсоветской эпохи – одна из важнейших проблем современной фразеологии. Российские специалисты, разрабатывавшие основы неологии и её ответвления – неографии, вообще не ставили перед собою цели сбора ФЕ-неологизмов и включения их в неологические справочники. В 50-е – 60-е годы прошлого века такая позиция была вполне объяснима: фразеология только формировалась как самостоятельная лингвистическая дисциплина, и все усилия учёных, которые стояли у её истоков, были направлены на выработку теоретических основ новой отрасли знания, на определение объекта и предмета её исследования. Первый фразеологи-

ческий словарь [Молотков 1968] готовился к изданию фактически в то же самое время, когда группа ленинградских лингвистов под руководством проф. Н.З. Котеловой собирала материалы для первого словаря русских неологизмов и разрабатывала основы неографии [Новые слова и значения... 1971].

Не обратить внимания на появление (наряду со словами) новых сверхсловных языковых единиц составители неологических словарей не могли. Но неологизмов-лексем было подавляющее большинство, и выход был найден простой: ФЕ-неологизмы решено было помещать в словарные статьи, предназначенные для какого-либо из их компонентов. По нашим подсчётам (см. [Шулежкова 2019, с. 174–175]), в первом словаре неологизмов русского языка [Котелова 1978, с. 19], немногим более одного процента из общего числа описанных единиц оказались сверхсловными. Затем их количество будет нарастать, и в 15-тысячном индексе неологизмов, опубликованном в 1983 г, их окажется уже 6,7 % [Котелова 1983, с. 158–159; Котелова 2015, с. 222–239].

* Работа выполнена в рамках научного проекта № 19-51218005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

В 1978 г. известный лексикограф, автор фундаментальных словарей русского языка Г.Н. Складаревская отмечала, что основная цель неографии – успеть за развитием языка, постараться как можно быстрее зафиксировать всё новое, что появляется в языке. Вряд ли разумно было бы «установить и закрепить наш язык навечно». «В этом случае он не мог бы выполнять главного своего назначения – отражать меняющийся мир» [Складаревская 1978, с. 104]. А мир в последней трети XX столетия менялся стремительно. Годы перестройки, развал Советского Союза, крах социалистической системы, разгул бандитизма в *лихие девяностые* породили множество неологизмов. Это были не только лексемы (*ваучер, челночник, ларёчник, прихватизация*), но и сверхсловные единицы (см. о языке *лихих девяностых* [Мокиенко 2016]). Будучи сверхсловными, фразеологические единицы (ФЕ) способны были передавать более объёмные представления о новых реалиях России, вступившей на путь дикого капитализма (*богатенький Буратино, новые русские, рейдерский захват, мокрое дело, девушка по вызову, мочить в сортире* и т.д.). Граждане России узнавали в это время горькую правду об *Афганской войне*. О ней до сих пор не дают нам забыть не только «застрававшие» в русском языке лексемы типа *шурави, афганец* ('участник боевых действий в Афганистане'), но и сверхсловные единицы *афганский синдром, груз 200, груз 300, чёрный тюльпан, цинковые мальчики*. В речь граждан России 1990-х – 2000-х годов вошли пугающие обороты *террористический акт, шахидка-смертница, белые колготки, ваххабитское движение, чеченский синдром, бесланская трагедия, спящая ячейка* и др.

На события не только внутри страны, но и на международной арене носители русского языка «откликнулись» множеством сверхсловных неологизмов, значительное место среди которых заняли ФЕ военной тематики. Это и названия *цветных революций*, часто заканчивающихся гражданскими войнами; и именованья локальных вооружённых конфликтов, вспыхивающих в разных точках планеты; и всевозможные «отвлекающие» обозначения событий с человеческими жертвами типа *гуманная война, мягкая сила, гуманная бомбардировка, белые каски, миротворческий контингент*, служащие прикрытием безудержной гонки вооружений, не сдерживаемой теперь международными договорами. Уже со второй половины 1990-х годов проблема системной фиксации и лингвокультурологического описания сверхсловных неологизмов русского языка, в том числе неологизмов военной тематики, стала особенно актуальной.

Анализ исследований. К системному лингвокультурологическому описанию новых сверхсловных неологизмов постсоветской эпохи в целом (и пласта единиц военной тематики в частности) российская неология и неография идут несколькими «тропинками».

Во-первых, такого рода единицы попадают на страницы новых собственно фразеологических словарей русского языка. Так, например, в «Совре-

менном фразеологическом словаре русского языка» можно найти несколько единиц из интересующего нас блока неологизмов: **«ВЫЗЫВАТЬ (ВЫЗВАТЬ) ОГОНЬ НА СЕБЯ.** *Нов. Разг.* Употр. при подлежащем со значением лица. Решительно выступать в защиту кого-либо» [Жуковы 2009, с. 82]; **«ГОРЯЧАЯ ТОЧКА.** *Нов.* Место боевых действий или чреватое конфликтами на этнической или *национальной* почве. // Место, связанное с острыми противоречиями на социально-экономической, национально-этнической почве, нередко перерастающими в военные столкновения» [Там же, с. 96]; **«ЛЕЧЬ НА ДНО** где. *Нов. Прост.* Употр. при подлежащем со значением лица. Скрыться, затаиться (обычно скрываясь от преследования)» [Там же, с. 184]; **«ПУСКАТЬСЯ (ПУСТИТЬСЯ) В СВОБОДНОЕ ПЛАВАНИЕ.** *Нов. Разг.* Употр. при подлежащем со значением лица. Оставаться без всякой поддержки, рассчитывая только на собственные силы и возможности» [Там же, с. 324]; **«РАЗБОР ПОЛЁТОВ** (во мн. ч. не употр.). *Нов. Разг.* Анализ сложившейся ситуации, подведение итогов с последующими выводами» [Там же, с. 328]; **«СДАВАТЬ / СДАТЬ БЕЗ ЕДИНОВОГО ВЫСТРЕЛА** что. *Нов. Неодобр.* Употр. при подлежащем со значением лица. Уступать что-либо без всякого сопротивления» [Там же, с. 357]. Нетрудно заметить, что приведённые выше примеры, за исключением оборота *горячая точка*, перешагнув границы военного (артиллерийского, морского, авиационного, общевойсковоего) лексикона, пережили процесс вторичной фразеологизации.

Во-вторых, рождённые в военной среде, но приобретшие новые (параллельные) значения в общеупотребительном разговорном языке, сверхсловные языковые единицы могут вызвать интерес у составителей словарей, которые описывают фразеологические корпусы художественных произведений определённых жанров или отдельных авторов. Немало подобных оборотов, например, читатель найдёт в двухтомном «Фразеологическом словаре современного российского детектива»: **«Бой местного значения.** Трудная, хотя и не очень значительная ситуация» [Гананольская, т. 1, 2015, с. 75]; **«В бой** (броситься, ринуться, кинуться и т.п.). Без подготовки, не думая, энергично (приступить к какому-либо делу)» [Там же, с. 76]; **«Ввести в бой.** Начать использовать» [Там же]; **«Выиграть бой.** Одержать победу» [Там же, с. 76–77]; **«В цинковых гробах** вернуться, поехать. Погибнуть на войне» [Там же, с. 164]; **«Дать смертельный бой.** Воевать до последнего; оказать решительное сопротивление» [Там же, с. 77]; **«Идти на <открытый> бой.** Открыто отстаивать своё мнение в спорной, конфликтной ситуации» [Там же]; **«Разведка донесла.** *Шутл.* Стало известно» [Гананольская, т. 2, 2016, с. 150] и пр.

В-третьих, если сверхсловные языковые единицы военной тематики представляют собой авторские изречения или восходят к определённым произведениям искусства, они имеют шансы попасть в энциклопедические справочники, где, как правило, читатель найдёт сведения о времени рождения еди-

ниці, авторе (или авторах) и обстоятельствах её освоения. Так, например, в «Большом словаре крылатых слов и выражений русского языка» описаны около двух десятков подобных единиц. В качестве примеров приведём здесь фрагменты только двух статей этого словаря: «**БЕЛЫЕ КОЛГОТКИ**.оборот, возникший во время чеченской войны, начавшейся в 1994 г. и периодически возобновлявшейся в течение 1990-х гг. Возможно, на его формирование повлияло значение компонента *белый* в выражениях *Белая армия*, *белое движение*, в структуру которого входят семы ‘антиправительственный’, ‘связанный с чужими, с иностранцами’. Компонент *колготки* сигнализирует о принадлежности обозначаемого лица к женскому полу. **Иностранные наёмники-снайперши**» [Берков, Мокиенко, Шулежкова, т. 1, 2008, с. 96]; «**У ВОЙНЫ – НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО**. Публ. Назв. документальной кн. С.А. Алексиевич, в которой собраны рассказы женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне. **1. О несовместимости войны и женщины, призванной растить детей и охранять домашний очаг. 2. При 1-м переменном компоненте – о явл. (названном первым компонентом), которое несовместимо с женским началом. 3. В случае утраты частицы «не» во второй части крылатого выражения при первом переменном компоненте – констатация присутствия женщин в какой-л. сфере (названной первым компонентом)**» [Там же, т. 2, 2009, с. 472].

В-четвёртых, определённый вклад в разработку фразеологической неологии вносят авторы работ, посвящённых сопоставительной характеристике ФЕ-неологизмов, возникших в соотносимые периоды в разных языках Европы и России (см. [Walter (red.) 2018; Шулежкова 2019; Георгиева, Шулежкова 2020]), или изучению пластов ФЕ военной тематики, появление которых связано с какими-либо известными, часто трагическими событиями. Так, например, подробному анализу подверглись сверхсловные языковые единицы, рождённые Афганской войной и двумя чеченскими войнами [Новиков 2019, 2020].

Настоящим прорывом во фразеологической неологии и фразеологической неографии стала книга нашего юбиляра, доктора филол. наук, проф. СПбГУ Валерия Михайловича Мокиенко, одного из самых ярких представителей не только российской, но и европейской науки о сверхсловных языковых единицах. Его работа «Новая русская фразеология» [Мокиенко 2003], наметившая теоретические перспективы фразеологической неологии, она является одновременно первым словарём ФЕ-неологизмов и до сих пор остаётся единственным трудом, который системно отражает состояние корпуса русских сверхсловных неологизмов конца XX и самого начала XXI столетия. В предисловии, проанализировав предложенные до него дефиниции термина *неологизм*, В.М. Мокиенко даёт рабочее определение объекту своего исследования. Не признавая одностороннего подхода к трактовке неологизмов – по чисто *прагматическому признаку* (пони-

маемому как неотмеченность их в словарях), *денотативному* (по которому неологизмами признаются единицы, «обозначающие новые реалии») или *стилистическому* (когда неологизмами считаются единицы, появление которых «сопровождается эффектом новизны») [Мокиенко 2003, с. X], он пишет: «Фразеологические неологизмы – это не зарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Там же, с. XI]. Наметив пути развития фразеологической неологии, В.М. Мокиенко очень чётко сформулировал и лексикографические «проблемы фразеологической неологии», то есть неологии [Там же, с. XXIII–XXVI]. Отметив семантическое и структурное многообразие фразеологических неологизмов, он подчеркнул: «Константно актуальной является постоянная фиксация и как можно более полное лексикографическое описание ФЕ-неологизмов <...> принцип максимализма описания важнее осторожной минимизации, чреватой “принципиальным” усечением динамического материала из корпуса неологии» [Там же, сс. XXIII, XXV].

Состав единиц самого словаря вполне соответствует теоретическим установкам автора. 135 из них родились как ФЕ военной тематики, но к моменту фиксации многие из них уже успели приобрести новые метафорические значения. Например, «**МИНА ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ**. Нов. О потенциальных опасностях, больших неприятностях, которые проявляются не сразу, исподволь» [Мокиенко 2003, с. 58]; «**ПОКИДАТЬ / ПОКИНУТЬ КОРАБЛЬ чего, какой**. Выходить из состава чего-л., выбывать» [Там же, с. 47]; «**ТЯЖЁЛЫЙ ТАНК**. Жарг. Человек с большими связями» [Там же, с. 118] и пр.

Цель, задачи статьи. Цель данной статьи – представление корпуса ФЕ-неологизмов военной тематики, которые наиболее активно используются в современных текстах различных жанров как элементы русской языковой системы. Достижение этой цели потребовало решения нескольких задач: 1) необходимо было установить причины появления в военном лексиконе новых сверхсловных единиц; 2) определить их источники, 3) выявить закономерности формирования семантики и синтаксической структуры военных ФЕ-неологизмов. Поскольку не знающее границ электронное коммуникативное пространство создаёт для пользователей Интернета возможности свободного «перемещения» языковых единиц из породившей их среды в другие сферы, перед исследователями возникла ещё 4-я задача – изучить трансформации, которые переживают ФЕ-неологизмы в процессе перехода из военного лексикона в общеупотребительную речь современных носителей русского языка.

Методы и методики исследования. Цель и задачи исследования обусловили антропоцентриче-

ский и системный подходы к изучаемому материалу при использовании описательного, лингвокультурологического и сравнительно-исторического методов исследования, которые подкреплялись методикой компонентного анализа и приёмом статистических подсчётов.

Изложение основного материала. Объектом нашего изучения стали сверхсловные неологизмы военной тематики, чьё вхождение в русскую языковую систему постсоветского периода обусловлено либо экстралингвистическими, либо собственно лингвистическими причинами. Значительная их часть появилась в связи с необходимостью именования новых реалий, в которых оказалась Российская Федерация после решения в декабре 1991 г. *беловежской тройки* (президентов трёх славянских республик Б. Ельцина, Л. Кравчука и С. Шушкевича) выйти из состава СССР и организовать Содружество (трёх) Независимых Государств.

В сфере внимания авторов статьи оказалось около 200 сверхсловных языковых единиц военной тематики, возникших в обозримый хронологический промежуток времени. Для граждан некогда могучего государства первое десятилетие после распада СССР оказалось переломным, с *шоковой терапией*, грабительской приватизацией, дефолтом, безработицей, чеченскими войнами при ослабленной армии. Сверхсловные единицы военной тематики, доставшиеся носителям русского языка от времён СССР, в эти годы нередко становились основой для игры слов на общем фоне крушения социалистической идеологии и высмеивания советских лозунгов. ФЕ-неологизмы именно этого времени, восходящие к военному лексикону, иногда «подперченные» жаргонной, а то и обценной стихией, можно встретить в словаре, опубликованном нашим юбилеем в 2003 г. Приведём только несколько таких примеров: «**РАСКРЫВАТЬ / РАСКРЫТЬ АМБРАЗУРУ**. Прост. или жарг. Шутл.-ирон. Стоять с раскрытым ртом, зазеваться» [Мокиенко 2003, с. 2; «**МАРШ-БРОСОК**. Жарг. хитти. Прогулка по городу с целью познакомиться с девушками и пригласить их на вечеринку» [Там же, с. 55]; «**СУПЕР-ТАНКЕР**. Жарг. шутл. одобр. 1. (женщина). Об очень красивой, “классной” женщине» [Там же, с. 118].

Во второй половине описываемого периода обновление фразеологического пласта военной тематики в русском языке приобрело иные черты. Российская Армия окрепла вместе с самой страной, и, помимо единиц-результатов продолжающейся игры слов с давно освоенными ФЕ, возникают неологизмы, призванные обозначить новые реалии. Обновление фразеологического фонда русского языка происходит либо за счёт заимствований, либо за счёт собственных национальных ресурсов (см. Об этом: [Шулежкова 2019, с. 176–177]). Наиболее активно на современном этапе пополняются ФЕ-неологизмами тематические группы, элементы которых:

1) служат наименованиями новых видов оружия (Автомат ВПС, автомат «Морской лев», А-235 «Нудоль», *атмосферная пушка, боевой игломёт,*

гиперзвуковой перехватчик, гиперзвуковые управляемые зенитные ракеты, глубоководный комплекс «Витязь», грач-штурмовик, зенитно-ракетный комплекс «Палаши», зенитно-ракетный комплекс «Панцирь», кавитационные патроны, климатическое оружие, контргиперзвуковые комплексы, лазерное оружие, ночной охотник (‘новый вертолёт’), палубный истребитель-бомбардировщик, подвижная спутниковая радиостанция, подводное оружие, подводный автомат, система предупреждения о ракетном нападении, спутники «Тайга», суперзвуковое / сверхзвуковое оружие, универсальный десантный корабль);

2) называют новые виды войск (*беспилотная авиация; воздушно-космическая оборона, гиперзвуковая система ПВО, линейные соединения связи, научные роты, космические войска, подводная пехота, подводный десант, ракетные войска, узловые соединения связи);*

3) именуют военнослужащих, членов различных войсковых подразделений и организаций, действующих в боевых условиях (*белые лебеди; белые каски, белые колготки, боги войны, боевые пловцы, медные каски; голубые береты, голубые ребята, железная рать, зелёные береты, морские стражи порядка, красные береты, люди / парни из Лэнгли, чёрные береты, парни в зелёных фуражках, псы / собаки войны, солдаты удачи, стражи границы);*

4) обозначают типы вооружённых конфликтов и войн (*гибридная война, горячая война, гуманная война, информационная война, взрывная информационная война, торговая война, локальная война, локальный конфликт, санкционная война, прохладная война, третья мировая война);*

4) называют мирные протестные движения, которые могут заканчиваться кровавыми разборками (*бархатная революция, болотная революция, бульдозерная революция, васильковая революция, дынная революция жасминовая революция, жёлтая революция, зелёная революция, кактусовая революция, кедровая революция, красочная революция, нежная революция, оранжевая революция, пурпурная революция, революция достоинства, революция зонтиков, революция роз, революция свеч, революция улыбок, сиреневая революция, уксусная революция, цветная революция и др.);*

5) указывают на способы осуществления внешнего воздействия, которое может быть как агрессивным, враждебным (*гуманитарная бомбардировка, заложить мину замедленного действия, война компроматов, дипломатия канонеров, обходной манёвр, политика выкручивания рук, политика канонеров, санкционные списки, хакерская атака, тактика выжженной земли и др.), так и мирным (мягкая сила, гуманитарная помощь);*

6) являются наименованиями путей спасения участников противостояния, а также мест или сооружений, связанных с проведением боевых действий (*взлётная площадка, запасной аэродром, защитный зонтик, стартовая площадка; атомный (ядерный) погреб, линия огня, мёртвая зона, пороховой погреб (‘место хранения любых боеприпа-*

сов'), пробный полигон);

7) дают оценку поведению в бою (*взять под обстрел кого, что, переметнуться в другой лагерь, переходит / перейти в активную оборону, поднять / выбросить белый флаг, получить своё Ватерлоо, стрелять на поражение и др.*).

Как видно из приведённых примеров, абсолютное большинство сверхсловных неологизмов военной тематики, возникших в интересующую нас эпоху, являются предметными и обладают терминологическим значением. По нашим подсчётам они составляют более 80 % от общего числа выявленных нами «военных» ФЕ. Часть из них заимствована из английского языка и носит интернациональный характер. Словари иностранных слов и английских заимствований (см., например, [Баш, Боброва 2012; Дьяков 2010; Крысин 2012, Шагалова 2011]) зафиксировали тысячи новых лексем-англицизмов. Однако они редко включают в свои индексы сверхсловные единицы. Исключение в этом отношении составляет «Речник на новите думи в българския език», где, наряду с 4300 неологизмами-лексемами, в инициальные зоны вынесено 750 сверхсловных языковых единиц, в том числе 600 – с терминологическим значением, а 150 – с идиоматическим [Пернишка, Благоева, Колковска 2001, с. 6]. Кстати, некоторые из сверхсловных интернациональных неологизмов, имеющих отношение к теме нашего исследования, тоже попали в этот словарь: *компроатна война, кибервойна, нежна революция* [Там же, сс. 107, 206, 215, 353]. Попали некоторые из сверхсловных военных неологизмов также в «Polsko-rosyjski słownik par przekładowych»: *Афганская война, чеченские войны, революция роз, революция чётков, оранжевая революция* [Chlebda 2014, s. 675, 673,495].

Между тем, в отличие от иноязычных слов, принимаемых русским языком в их собственной, хотя и адаптированной, фонетической оболочке, ФЕ-неологизмы военной тематики внедряются в русскую языковую систему чаще всего в виде калек и полукалек. Таковы, к примеру, наименования различных войн: *информационная война* (от англ. *information war*), *гибридная война* (от англ. *hybrid warfare*), *гуманная война* (от англ. *humane warfare*), *PR-война* (от англ. *PR war*), *Третья мировая война* (от англ. *Third world war*) и пр. Кроме того, эти единицы образуются по продуктивным синтаксическим моделям русского языка, чаще всего – по модели «прилагательное + существительное»: *бархатная революция, подводный десант, игловые пули, белые каски, чёрные береты* и т.д.

Поскольку ФЕ-неологизмы военной тематики широко используются в СМИ, в публицистике, в художественных текстах, в радио- и телепередачах, в речах дипломатов и высших государственных чиновников, они нуждаются в добротном неографическом описании. Словарная статья каждого такого неологизма должна отражать сведения о его источнике, времени вхождения в языковую систему, обстоятельствах, вызвавших к жизни данный неологизм, его семантику, сферу употребления, что

непрерывно должно сопровождаться примерами использования единицы. В качестве примера приводим словарное описание неологизма *мягкая сила*.

МЯГКАЯ СИЛА. Публ.

♦ Способ добиваться желаемого без агрессии и принуждения, приобретая новых сторонников привлекательностью своих идей, целей.

♦ Термин *мягкая сила / мягкая власть* (от англ. *soft power*) впервые употребил профессор Гарвардского университета Дж. Най в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990), а затем популяризировал, издав работу «Soft Power: The Means to Success in World Politics» (2004). Он утверждает, что решающую роль в международных деловых, политических и экономических отношениях между государствами должны играть язык и культура, то есть *мягкая сила*, которая может действовать гораздо эффективнее, чем агрессия и военное давление. Главная сфера использования оборота *мягкая сила* – политический дискурс.

☼ *Подготовленный для утверждения правительством проект носит длинное название «План мероприятий правительства РФ по осуществлению деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию на базе российских центров науки и культуры за рубежом на 2013-2015 годы». «Ъ» удалось ознакомиться с ключевыми положениями этого документа, из которого видно, как Москва собирается на практике применять «мягкую силу». Черненко Е. С позиции «мягкой силы» // «Коммерсантъ», 16.01.2013; *До XX века основным способом распространения своего влияния было силовое давление; успешное ведение войн способствовало укреплению влияния государства. <...> в данный момент на первый план выходит способ влияния мирного, но не менее действенного – «мягкая сила», основанный на привлекательности государства.* Фатеев Д.В. Эффект «мягкой силы» и её применение в РФ, 19.12.2017 // Сайт Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности. Режим доступа: <https://nic-pnb.ru/raboty-molodyx-uchyonyx/effekt-myagkoj-sily-i-eyo-primenenie-v-rf/> (дата обращения: 12.11.2019); «*Мягкая сила России*», именно таким термином называет последние успехи русских автор. Первым таким успехом с уверенностью можно назвать триумфальное возвращение России в Африку. Саммит Африка-Россия удивил всех скептиков масштабом. Сочи собрал лидеров 43 стран Африки. Было приглашено более 10 тысяч предпринимателей и бизнесменов с черного континента. Россия подписала множество соглашений на общую сумму около 12,5 миллиарда долларов США. Было принято совместное решение проводить подобное мероприятие раз в три года. Карасёв В. *Мягкая сила России*. 12.11.2019 Информ. агентство NEWS-FRONT. Режим доступа: <https://news-front.info/2019/11/12/vladimir-karasyov-myagkaya-sila-rossii/> (дата обращения: 12.11.2019).*

Итоги. Итак, в 1980-е – 2000-е годы в русском языке значительно обновился блок сверхсловных

языковых единиц военной тематики. Процесс неологизации, обусловленный как экстралингвистическими, так внутрилингвистическими причинами, происходил либо за счёт заимствований, либо за счёт собственных национальных ресурсов. В сфере внимания авторов статьи оказалось около 200 таких неологизмов из военной сферы.

Время трансформации изучаемого пласта ФЕ можно условно разделить на два периода. В первые два десятилетия, совпавшие с перестройкой, распадом СССР и «лихими девяностыми», неологизмы военной тематики создавались и в ответ на потребность дать названия новым реалиям, но основная их масса рождалась за счёт языковой игры с единицами, доставшимися в наследство от советской эпохи. В последние же два десятилетия, когда ситуация в стране стала налаживаться и кардинально изменилось положение в армии, обновление фонда ФЕ во-

енной тематики, напротив, происходило по преимуществу в ответ на потребность дать названия новым реалиям. К подвергшимся наибольшему обогащению относятся группы ФЕ, которые называют новые виды оружия и типы войск; именуют военнослужащих, членов различных войсковых подразделений и организаций, которые действуют в боевых условиях; обозначают разновидности вооружённых конфликтов и войн; называют мирные протестные движения, которые нередко заканчиваются кровавыми стычками; указывают на способы осуществления внешнего воздействия на другие страны.

В отличие от заимствований-лексем, сверхсловные неологизмы военной тематики чаще всего внедряются в русскую языковую систему в виде калек и полукалек. Большая их часть принадлежит к предметным ФЕ, обладающим терминологическими значениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баш Л.В., Боброва А.В. Современный словарь иностранных слов: Толкование, словоупотребление, словообразование, этимология. Москва: Изд-во Вече, 2012. 856 с.
2. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений: в 2 т. / под ред. С.Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009. Т. 1. А–М. 658 с. Т. 2. Н–Я. 737 с.
3. Гананольская Е.В. Фразеологический словарь современного российского детектива: в 2 т. Т. 1. А–К. Санкт-Петербург: «Златоуст», 2015. 332 с.; Т. 2. Л–Я. 2016. 256 с.
4. Георгиева С.И., Шулежкова С.Г.: Фразеологические инновации болгарского и русского языков в условиях глобализации (XX – начало XXI вв.) // Martin Henzelmann (ed.): Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen. Festschrift für Prof. Dr. Dr. h.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags. Berlin: Frank & Timme (Slawistik, 8), 2020. S. 21–38.
5. Дьяков А.И. Словарь английских заимствований русского языка. Новосибирск: Новосибирское книжн. изд-во. 2010. 588 с.
6. Жуков А.В., Жукова М.В. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц. Москва: АСТ: Астрель, 2009. 443 с.
7. Котелова Н.З. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. Предисловие. Избранные труды. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2015. С. 222–239.
8. Котелова Н.З. Банк русских неологизмов / Новые слова и словари новых слов. Ленинград: Наука, 1983. С. 158–222.
9. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. Москва: АСТ-пресс, 2012. 416 с.
10. Мокиенко В.М. Новая русская фразеология. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, 2003. 168 s.
11. Мокиенко В.М. Русские *лихие* девяностые в лексикографическом зеркале // Лексикография в начале XXI в. Доклады от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г. / Съст. Д. Благоева, С. Колковска. София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2016. С. 498–515.
12. Молотков А.И. (ред.) Фразеологический словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1968. 543 с.
13. Новиков Д.А., студент (науч. рук.: д-р филол. наук, проф. С.Г. Шулежкова; Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова; Россия). Афганский синдром // «Благословенны первые шаги...»: сб. работ молодых исследователей. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2019. Вып. 13. С. 26–35.
14. Новиков Д.А. Фразеологические неологизмы, порождённые чеченскими кампаниями рубежа XX–XXI вв. Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2020: материалы международ. студ. науч.-практ. конф. / гл. ред. Н.Н. Макарова, отв. ред. М.С. Закамалдина; ФГБОУ ВПО «МГТУ им. Г.И. Носова». Электронные текстовые дан. (8,21 Мб). Магнитогорск, МГТУ им. Г.И. Носова, 2020. 1 электрон. Опт диск (CD-R). Систем. требования: IBM PC. Любая более 1 GHz; 512 Мб RAM; 10 Мб HDD; MSWindowsXP и выше; CD/DVD ROM дисковод : мышь. Загл. с титул. экрана. С. 627–637.
15. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под ред. и с предисл. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина; АН СССР. Институт русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1971. 543 с.

16. Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език. София: Наука и изкуство, 2010. 516 с.
17. Скляревская Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике // Современность и словари. Ленинград: Наука, 1978. С 104–105.
18. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века. Москва: Астрель, 2011. 413 с.
19. Шулежкова С.Г. Русские и болгарские фразеологические неологизмы как объект словарного описания. *Научный диалог*. 2019. № 9. С. 173–189. DOI: 10/24224/2227-1295-9-173-189.
20. Chlebda W. (red.). *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych. Tom zbiorczy Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego (z. 1–5)*. Opole: Uniwersytet Opolski, 2014. 755 s.
21. Walter H. *Der rote Faden durch Sport und Militär in Sprichwörtern und Redensarten. Historisch-etymologische Skizzen – mit slawiischen Parallelen*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2018. 207 s.

REFERENCES

1. Bash L.V., Bobrova A.V. (2012) *Sovremennyiy slovar inostrannykh slov: Tolkovanie, slovopotreblenie, slovoobrazovanie, etimologiya* [Modern dictionary of foreign words: Definition, usage, word-formation, etymology]. Moskva: Veche. 856 s. [in Russian].
2. Berkov V.P., Mokienko V.M., Shulezhkova S.G. (2008–2009) *Bolshoy slovar krylatykh slov i vyrazheniy: v 2 t. / pod red. S.G. Shulezhkovoy* [Big dictionary of winged words and phrases: in 2 vol. / edited by S.G. Shulezhkova]. Magnitogorsk: MaGU; Greifswald: Ernst-moritz-Arndt-Universität. V.1 A–M. 658 s. V. 2 H–Я. 737 s. [in Russian].
3. Ganapolskaya E.V. (2015–2016) *Frazeologicheskiy slovar sovremennogo rossiyskogo detektiva: v 2 t. T. 1. A–K, T. 2 Л–Я* [Phraseological dictionary of the modern Russian detective: in 2 vol. V.1 A–K, V.2 Л–Я]. Saint Petersburg: «Zlatoust». 332 s. [in Russian].
4. Georgieva S.I., Shulezhkova S.G. (2020) *Frazeologicheskie innovacii bolgarskogo i russkogo yazykov v usloviyah globalizacii (XX – nachala XXI vv.)* [Phraseological innovations of Bulgarian and Russian languages in the era of globalization (20th – beginning 21st centuries)]. *Martin Henzelmann (ed.): Sprachwissenschaftliche Perspektiven der Bulgaristik. Standpunkte – Innovationen – Herausforderungen. Festschrift für Prof. Dr. Dr. h.c. Helmut Wilhelm Schaller anlässlich seines 80. Geburtstags*. – Berlin: Frank & Timme (Slawistik, 8). S. 21–38 [in German].
5. Dyakov A.I. (2010) *Slovar angliyskikh zaimstvovaniy russkogo yazyka* [Dictionary of English borrowings in Russian]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izd-vo. 588 s. [in Russian].
6. Zhukov A.V., Zhukova M.V. (2009) *Sovremenny frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka: ok. 1600 frazeologicheskikh edinic* [Modern phraseological dictionary of the Russian language: about 1600 phraseological units]. Moskva: AST: Astrel. 443 s. [in Russian].
7. Kotelova N.Z. (2015) *Novyie slova i znacheniya. Slovar-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov. Predislovie* [New words and meanings. Dictionary-guidebook on press and literature materials of the 60-s. Preface]. *Izbrannye trudy*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. S. 222–239 [in Russian].
8. Kotelova N.Z. (1983) *Bank russkikh neologizmov* [Bank of Russian neologisms]. *Novye slova i slovari novykh slov*. Leningrad: Nauka. S. 158–222 [in Russian].
9. Krysin L.P. (2012) *Sovremennyiy slovar inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moskva: AST-press, 416 s. [in Russian].
10. Mokienko V.M. (2003) *Novaya russkaya frazeologiya* [New Russian phraseology]. Opole: Uniwersytet Opolski – Institut Filologii Polskiej. 168 s. [in Russian].
11. Mokienko V.M. (2016) *Russkie lihie devyanostye v leksikograficheskom zerkale* [Russian freewheeling 1990s through the lexicographical prism]. *Leksikografijata v nachalotona XXIv. Dokladi ot Sedmata mezhdunarodna konferencija po leksikografija i leksikologija (Sofija, 15–16 oktombri 2015 g. / Sostaviteli D. Blagoeva, S. Kolkovska*. Sofia: Izd-vo na BAN «Prof. Marin Drinov». S. 498–515 [in Russian].
12. Molotkov A.I. (ed.) (1968) *Frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of Russian language]. Moskva: Sov. entsyklopedia. 543 s.
13. Novikov D.A. (2019) *Afganskiy sindrom* [Afghan syndrome]. *«Blagoslovenny pervye shagi...»: sb. rabot molodyh issledovatelej*. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta im. G.I. Nosova, Vyp. 13. S. 26–35 [in Russian].
14. Novikov D.A. (2020) *Frazeologicheskie neologizmy, porozhdyonnyie chechenskimi kampaniyami rubezha XX–XXI vv.* [Phraseological neologisms appeared during Chechen wars of the turn of the 21st century]. *Student i nauka (gumanitarnyy cikl) – 2020: materialy mezhdunarod. stud. nauch.-prakt. konf. / gl. red. NN. Makarova, otv. red. M.S. Zakamaldina; FGBOU VPO «MGU im. G.I. Nosova»* [in Russian].
15. Kotelova N.Z., Sorokin Y.S. (ed.) (1971) *Novye slova i znacheniya: slovar-pravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov* [New words and meanings. Dictionary-guidebook on press and literature materials of the 60-s.]. Academy of science of the USSR. Institute of the Russian language. Moskva: Sov. entsyklopedia, 543 s. [in Russian].
16. Pernishka E., Blagoeva D., Kolkovska S. (2010) *Rechnik na novite dumi v blgarskiya ezik* [Dictionary of the new words in the Bulgarian language]. Sofiya: Nauka i izkustvo. 516 s. [in Bulgarian].

17. Sklyarevskaya G.N. (1978) Zametki o leksikograficheskoy stilistike [Notes on lexicographical stylistics]. *Modern times and dictionaries*. Leningrad: Nauka. S. 104–105 [in Russian].
18. Shagalova E.N. (2011) Samyy noveyshiy tolkovyy slovar russkogo yazyka XXI veka [The newest dictionary of the Russian language of the 21st century]. Moskva: Astrel. 413 s. [in Russian].
19. Shulezhkova S.G. (2019) Russkie i bolgarskie frazeologicheskie neologizmy kak obyekt slovarnogo opisaniya [Russian and Bulgarian phraseological neologisms as the object of the dictionary description]. *Nauchnyy dialog* № 9. S. 173–189. DOI: 10/24224/2227-1295-9-173-189 [in Russian].
20. Chlebeda W. (2014) (red.). *Polsko-rosyjski słownik par przekładowych*. Tom zbiorczy Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego (z. 1–5). Opole: Uniwersytet Opolski. 755 s. [in Polish, in Russian].
21. Walter H. (2018) *Der rote Faden durch Sport und Militär in Sprichwörtern und Redensarten*. Historisch-etymologische Skizzen – mit slawiischen Parallelen. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität. 207 s. [in German].

MILITARY SUPERWORD NEOLOGISMS IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The 1980s of the 20th century – the beginning of the 21st century was the time when the important international treaties that restrained the race of the weapons of mass destruction after the World War II ceased to operate and the unprecedented arms race began. This process was reflected in the phraseological systems of many languages, including the Russian language, where the military lexicon was radically updated. The superword neologisms became the significant part of it. The article authors set the goal to identify the place of military superword neologisms in the modern Russian language. Here, the first things to do were to find them, to reveal the reasons and ways of their absorption, to clear their semantics and understand the rules of their entry into the language system and the spheres of use. In the study it was revealed that in modern mass media, journalism, literary texts, and in the speeches of politicians and diplomats there were used more than 200 military superword neologisms, most of which were properly reflected neither in phraseological, etymological, neological guides, nor in dictionaries of foreign words and expressions of the modern Russian language. Their sources could be both foreign languages (mainly Anglicisms) and domestic national reserves. The most actively updated thematic groups due to superword neologisms were names of 1) new types of weapons, 2) new military units, 3) local and large-scale international conflicts typical for the time described, 4) approaches to warfare. The reason analysis of the appearance of these units gave the following results. The appearance of most of the presentive military superword neologisms was dealt with extralinguistic factors, and many of them were loan translations or half-calques of the English names. Processual, adverbial, predicative and other superword neologisms, as a rule, went the more difficult way of absorption and got structured with the help of national language reserves.

Keywords: superword neologism, military, sources, Anglicisms, national language reserves.

НАДСЛІВНІ НЕОЛОГІЗМИ ВІЙСЬКОВОЇ ТЕМАТИКИ В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. 1980-і рр. ХХ ст. – початок ХХІ ст. в умовах, коли перестали діяти важливі міжнародні договори, що стримували після другої світової війни гонку засобів масового знищення людей, відзначені безпрецедентною гонкою озброєнь. Цей процес знайшов відображення у фразеологічних системах багатьох мов, у тому числі в російській мові, де відбулося кардинальне оновлення військового лексикону. Значне місце в ньому зайняли надслівні неологізми. Автори статті поставили перед собою мету – визначити місце надслівних неологізмів військової тематики в сучасній російській мові, у зв'язку з чим необхідно було виявити їх; визначити причини і шляхи їх засвоєння; встановити їх семантику, закономірності входження цих одиниць в мовну систему та сфери їхнього використання. Під час дослідження було встановлено, що в сучасних засобах масової інформації, в публіцистиці, художніх текстах, у промовах політиків і дипломатів використовується більше двохсот надслівних неологізмів військової тематики, велика частина яких не знайшла належного відображення у фразеологічних, етимологічних, неологічних довідниках і в словниках іношомовних слів та висловів сучасної російської мови. Їх джерелами можуть бути як іноземні мови (переважно англійські), так і внутрішні національні резерви. До тих тематичних груп, що найбільш активно оновлюються за рахунок надслівних неологізмів, належать найменування: 1) нових видів зброї; 2) нових військових; 3) типових для описуваного часу локальних і масштабних міжнародних конфліктів, 4) способів ведення ворожих дій. Поява більшості предметних надслівних неологізмів військової тематики пов'язана з екстралінгвальними чинниками, і значна частина з них є кальками і напівкальками англійських найменувань. Процесуальні, адвербіальні, предикативні та інші надслівні неологізми, як правило, проходять більш складний шлях засвоєння і структуруються за рахунок національних мовних ресурсів.

Ключові слова: надслівний неологізм, військова тематика, джерела, англійські, внутрішні мовні ресурси.

© Шулежкова С., Міхін А., 2020 р.

Світлана Шулежкова – доктор філологічних наук, професор кафедри російської мови Магнітогорського державного технічного університету імені Г.І. Носова, Магнітогорськ, Росія; <http://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

Svetlana Shulezhkova – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Mass Communication of Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; <http://orcid.org/0000-0002-0314-6721>

Артём Міхін – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник Словникової лабораторії Магнітогорського державного технічного університету імені Г.І. Носова, Росія; <http://orcid.org/0000-0001-8820-9252>

Artyom Mikhin – Candidate of Philology, Lexicographic research laboratory, senior research associate of Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia; <http://orcid.org/0000-0001-8820-9252>